БЕЗВЫХОДНЫЙ
брак
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА
Не дам уйти
18+
ОЛЬГА ГОЛЬДФАЙН

Ольга Гольдфайн

Безвыходный брак

«Автор»

2026

Гольдфайн О.

Безвыходный брак / О. Гольдфайн — «Автор», 2026

«Оргазмы гарантирую», – сказал Вернер, предлагая мне секс без обязательств.Так же практично и буднично, как и всё остальное между нами.Я вышла замуж за акции отца. Временно.Он получил жену, которую не намерен отпускать.Похоже, я совершила глупость: вступила в брак, из которого нет выхода

© Гольдфайн О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. 10
Глава 2. 12
Глава 3 16
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 23
Глава 7 26
Гл 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ольга Гольдфайн
Безвыходный брак

Пролог

Все события, герои, названия организаций, заведений и иных объектов являются вымышленными. Любое совпадение с реально существующими людьми или местами — случайность.

В тексте присутствуют откровенные сцены, эмоциональные моменты и нецензурная брань.

Автор подчеркивает, что произведение является художественным вымыслом.

Похорон отца я почти не помню. Они стёрлись из памяти, как стирается травмирующий опыт, способный поломать жизнь.

Всё, что осталось – это чистое майское небо, щебетание птиц на кладбище и траурные одежды на фоне невероятно яркой весенней зелени.

Мне казалось, что я смотрю дешёвый фильм. Женщина с моим лицом, в чёрном плаще и тёмных солнцезащитных очках стоит на краю могилы. Глаза совершенно сухие, губы сжаты, эмоции выключены.

Вторая актриса, одетая в дорогое пальто из тонкого кашемира и в шляпке с чёрной вуалью, громко рыдает, прикладывая к глазам кружевной платок. Когда закрывают тяжёлую крышку гроба, Леонелла бросается сверху и падает на землю на глазах у толпы.

Люди ахают. Двое мужчин поднимают её и пытаются увести, а она продолжает рваться к усопшему.

Ни дать ни взять, безутешная вдова…

Но мне-то известно, что никакой любви между ними не было.

Мой отец умер в постели этой эксцентричной особы. "Скорая" увезла его голым, с засосом на шее и обширным инфарктом в груди. В больнице откачали, а через сутки случился второй инфаркт, и папа умер.

Мне позвонили и сообщили, что Игорский Валерий Александрович скончался.

Обстоятельства его смерти я узнала позже…

Шестьдесят лет. Мог бы жить да жить, но не с такой любовницей. Всю кровь из отца высосала, пиявка…

Помню, что я стояла и наблюдала за спектаклем на публику, рассуждая о несправедливости смерти, испытывая жгучий стыд за отца. Насколько он, успешный предприниматель и взрослый человек, оказался недальновиден, позволил собой манипулировать, пригрел на груди змею…

А ещё рассматривала присутствующих, чтобы не смотреть на гроб и могилу. Где-то на лицах видела искреннюю печаль, а где-то – насквозь фальшивые вздохи и крокодильи слёзы.

В какой-то момент почувствовала на себе взгляд, прошивающий насквозь. Выверенный и холодный. Словно красную точку прицела ощутила в центре груди.

Дмитрий Юрьевич Вернер, партнёр отца. Он остановился чуть в стороне, у соседнего памятника. Как обычно, держал дистанцию – от толпы, от гроба, от чужих эмоций и разговоров.

Плечистый, высокий, такого сразу выделяешь из толпы. Пальто явно сшито на заказ, сидит как влитое. Тёмные короткие волосы с благородной сединой на висках.

Вернеру сорок четыре, намного моложе отца, но в их компании именно он стоял у руля. Мой папа вложил в общее дело деньги, а Дмитрий – мозги. И у них всё получилось.

Породистый и властный: скулы такие острые, что можно порезаться. Челюсть тяжёлая, чуть прищуренные глаза – не от солнца, солнца в этот день было немного, а просто ему так привычнее. Человек давно разучился смотреть на мир широко раскрытыми глазами и чему-то удивляться.

Ноги широко расставлены, руки сцеплены за спиной. На лбу глубокая складка.

Женщины обращали на Вернера внимание. Украдкой бросали короткие, липкие взгляды. Вздыхали, повернувшись в его сторону, втайне от стоящих рядом мужей.

Но острый как бритва невидимый нож отсекал любое ментальное поползновение в его сторону. Харизма этого человека состояла из брони и незримого оружия.

Аура опасности, власти и решительности чувствовалась на расстоянии.

Наверное, такой и должна быть энергетика успешного бизнесмена.

Отец мало рассказывал о Вернере. Скупо упоминал за ужином или называл по фамилии в телефонных разговорах. Но всегда признавал заслуги компаньона. Говорил, что без Дмитрия их скромный уральский комбинат никогда не превратился бы в корпорацию с портовым терминалом и экспортными контрактами на три континента.

Это Вернер на своём горбу затянул их на вершину Олимпа.

«Без Димки я бы до сих пор просиживал штаны в директорском кресле областного значения», – хвалил своего соратника отец.

Вернер легко делал то, чего не умел мой папа: договаривался с теми, с кем невозможно договориться. Дожимал тех, кого нужно дожать. И делать это настолько хладнокровно, что даже конкуренты, по слухам, предпочитали не садиться против него за стол переговоров без крепкого алкоголя в крови, выпитого для смелости.

Такой точно не будет плакать на похоронах.

Да он вообще не знает, что такое слёзы…

Но жизнь показала, что я во многом ошибалась.

Точнее, ошиблась в этом конкретном мужчине процентов на девяносто.

И дорого заплатила за свои иллюзии…

После кладбища все поехали на поминальный обед в ресторан, а я отправилась домой, никому не сказав ни слова. С меня было довольно лживого сочувствия и притворной жалости.

Люди не понимали, кому достанется наследство – мне или Леонелле – и старались нас поддерживать в равных пропорциях.

На следующий день к десяти утра собрались у нотариуса, услугами которого много лет пользовался папа.

Якову Иосифовичу Абрамову шестьдесят пять, но выглядит крепким и подтянутым. Часто приговаривает:

– У Яши много ещё дел на этой бренной земле. Господь даёт ему силы помогать людям и продлевает годы.

Солнце било в окна и в кабинете было душно. Центральное отопление ещё работало, а кондиционер даже не подумали включить.

И только Вернер осмелился навязать свой устав чужому монастырю:

– Откройте окна, здесь дышать невозможно.

Помощник нотариуса тут же метнулся к шторам и обеспечил доступ свежего воздуха. Абрамов скривился, но промолчал.

В кабинете нас было шестеро. Леонелла со своим личным водителем.

Интересно, кто теперь будет платить ему зарплату? Или певичка давно натурой расплачивается?

Вернер, сухо кивнувший мне на крыльце, нотариус и помощник.

Помощник достал из сейфа плотный конверт и передал Абрамову. Тот надел очки, аккуратно вскрыл запечатанный документ ножом для бумаги, а затем огласил цель нашего собрания.

Голос нотариуса сразу преобразился. Тон стал торжественным и серьёзным:

– Господа, я собрал вас по воле покинувшего этот мир Валерия Александровича Игорского, чтобы огласить его завещание. Документ составлен при свидетелях, все формальности соблюдены.

Леонелла выпрямилась на стуле, будто проглотила кол. Вернер что-то листал в телефоне. Похоже, ему вообще была неинтересна предстоящая делёжка. Я ёрзала, будто на сиденье насыпали кнопок. Чувствовала, что папа подготовил сюрприз, но даже не догадывалась, какой…

Абрамов зачитывал по пунктам. Объекты недвижимости – квартира в центре Екатеринбурга, загородный дом, квартира в Москве – это всё доставалось мне.

Счета в банках, содержимое банковской ячейки родитель отписал на моё имя.

Конноспортивный клуб, купленный отцом в бытность, когда я увлеклась лошадями, мне и остался. Хотя ездила туда редко, делами занимался специально нанятый управляющий.

Когда нотариус дошёл до главного, Вернер убрал телефон в карман и скрестил руки на груди.

Так вот, ради чего ты сюда припёрся, Ди-ма…

Оторвал свою царственную заднищу от важных дел…

И мне было приятно видеть, как краски покидают лицо этого высокомерного типа, пока не вникла в смысл сказанного.

– Пакет акций компании «Игорский-Вернер Групп», принадлежащий Валерию Александровичу Игорскому, переходит в собственность его дочери, Игорской Евы Валерьевны, при условии заключения ею брака с Вернером Дмитрием Юрьевичем в течение трёх месяцев со дня оглашения настоящего завещания. В случае невыполнения данного условия указанный пакет акций переходит в собственность Арийской Леонеллы Михайловны.

Занавес…

Тишина опустилась плотным пологом. Сковала лицевые мышцы, парализовала нервные волокна. Мы все дружно застыли и приоткрыли рты.

Пап, ты серьёзно?..

Решил напоследок «осчастливить» дочку: устроить её личную жизнь?

Под крыло надёжного и крепкого мужика определить, как будто я сама не могу о себе позаботиться?

Простите, но я захихикала.

Посмотрела на бледного Вернера и заржала в голос. Как моя лошадь Гортензия, честное слово…

Мне было по-настоящему смешно. Не верилось, что отец способен отмочить такое напоследок.

Абрамов снял очки в тонкой золотой оправе и протёр их салфеткой, терпеливо пережидая мою истерику.

Но это были цветочки. Дальше пошли ягодки от Леонеллы…

– Вы издеваетесь?! Да это возмутительно! – фурия вскочила с кресла, хотя водитель пытался её удержать. Рука девицы начала делать непроизвольные движения, будто искала микрофон. – Мы три года жили с Валерием вместе! Я любила его! Была ему настоящей женой! Всё наследство должно делиться пополам между мной и его дочерью! Так будет справедливо!

Нотариус глубоко вздохнул и как маленькому ребёнку начал объяснять элементарные вещи:

– Леонелла Михайловна, во-первых, ваш брак не был зарегистрирован. Значит, вы не можете быть наследницей по закону. Во-вторых, Валерий Александрович отдельно предусмот-

рел в завещании передачу украшений, подарков, сделанных вам при его жизни, а также двухкомнатной квартиры, оформленной на ваше имя ещё два года назад.

Он позаботился о вас. А в случае невыполнения условия завещания Евой Валерьевной – вам ещё и акции компании отойдут.

Арийская быстро заткнулась, словно ей лассо на горло накинули. Открыла рот, а потом захлопнула, вспомнив, сколько поставлено на кон. Попыталась испепелить меня взглядом, но не добилась ожидаемого эффекта и уселась на место.

Я посмотрела на Вернера.

Вот кто демонстрировал олимпийское спокойствие. Сидит расслабленно, руки сложены на груди, смотрит внимательно на нотариуса. Может, ждёт, что Абрамов захлопает в ладоши и крикнет: «Шутка, господа!»

Или же Дмитрий Юрьевич давно знал содержание бумаги.

А что, если именно Вернер предложил отцу вот так, через завещание, заставить меня выйти за него замуж? Сам-то прекрасно понимал, что не соглашусь на подобную аферу, и акции получит Арийская. С Леонеллой ему будет гораздо проще договориться.

От мыслей меня отвлек Абрамов:

– Ева Валерьевна, вы вступаете в права наследования при условии, изложенном в документе. У вас есть три месяца на принятие решения.

Киваю в знак согласия.

И что мне теперь делать?..

Из здания выхожу на негнущихся ногах. Задал мне папочка задачку, чтоб ему там икалось…

Вернер видит, что я не в себе, и когда спотыкаюсь на ровном месте, поддерживает под локоть. Около моей машины, когда уже собираюсь сесть на водительское место, разворачивает к себе:

– Ева, – урчит низким, бархатным голосом. – Поверьте, я сам в шоке, что Валерий решил соединить нас подобным образом. Полагаю, он заботился о вашем благополучии, хотя выбрал для этого весьма своеобразный способ.

Молчу. Желание послать подальше этого притворщика разгорается всё сильнее.

– Послушайте, я понимаю: мы с вами абсолютно чужие люди. Разница в возрасте солидная. Я уже был женат, у меня есть сын от первого брака, и второй раз вступать в эту реку я не планировал.

Мужчина смотрит прямо, а я с трудом выдерживаю этот взгляд. Он будто видит меня насквозь. Как рентген. Хочется спрятаться за свинцовой стеной, чтобы остаться целой.

А Вернер продолжает:

– Но раз обстоятельства складываются таким образом, я предлагаю вам заключить союз на бумаге. Сроком на один год. Вы получаете то, что вам причитается по праву, с условием, что не станете вмешиваться в дела компании и не продадите акции третьим лицам. Руководить фирмой, как и прежде, буду я. Каждый из нас проживёт этот год своей жизнью, а по его окончании мы разведёмся. Вас устроит такой вариант?

Вот вроде отличный план у Вернера. Простой и выверенный до последней юридической закорючки, но внутри неспокойно.

Интуиция кричит: «Не делай этого! Не надо! Ты пожалеешь!»

А здравый смысл подсказывает, что выбора у меня нет…

Так просто отдать половину отцовского наследства женщине, которая свела его в могилу, я не могу.

– Хорошо. Я согласна, – произношу тихо, с головой ныряя в пучину тёмных глаз.

Бизнесмен коротко кивает, будто мы только что подписали обычный протокол о намерениях, а не решили связать свои судьбы, пусть и на год.

Тогда я ещё не знала, что понятия «один год» и «каждый живёт своей жизнью» существенно отличаются по смыслу от того, что представляла себе я…

Глава 1.

Ева

Мне тридцать четыре, и я ни разу не была замужем. Вот такой парадокс.

Вроде симпатичная, не глупая, не нищая, не безрукая, а замуж никто не взял. Точнее, я сама избегала серьёзных отношений с мужчинами.

В университете на третьем курсе была любовь-морковь, хороводились с однокурсником два года, а потом разбежались. Серёженька переметнулся к дочке профессора, а я ещё раз убедилась, что все мужики – козлы.

Потом на работе был роман. С женатым. Четыре года он кормил меня «завтраками», что разведётся. Дескать, женился из чувства долга – девушка забеременела. Но любви не было, и нет. Живёт с ней ради сына, всё опостылело, любит только меня.

Наверное, я бы ещё лет пять верила во все эти сказки, если бы не встретила Матвея Эдуардовича в супермаркете с беременной супругой.

Ага, так всё опостылело, что второго решил родить. Лживая скотина…

После этого печального опыта поставила крест на своей личной жизни. Ударилась в работу, начала собирать материал для диссертации.

И вот папенька удивил: решил пристроить дочурку в надёжные руки. И ведь знал, что соглашусь. Его любовницу я терпеть не могу и дарить ей половину отцовского детища точно не стану…

Короче, день регистрации назначен и мне нужно свадебное платье. Так сказала моя подруга Ирка, которой я пожаловалась на жизнь в целом и своего коварного родителя в частности.

Мы едем в бутик на Малышева. Я смотрю на органзу, фатин, белые кружева и даже притрагиваться к ним не хочу. Такое ощущение, что это погребальный саван, а не наряд счастливой невесты.

Ирка хмурится, перебирая вешалки:

– Ева, ты в медицинском халате собираешься в загс пойти?

– Если честно, я бы вообще не пошла, но нельзя. Меня жаба разорвёт изнутри, если акции перейдут к Леонелле.

Мы три часа шатаемся по магазинам, и в итоге покупаем платье стального цвета, строгое и деловое. Ну а зачем лукавить? Счастливой невестой я не выгляжу, да и притворяться смысла не вижу. Вернер тоже не жаждет надеть на палец мне кольцо. Сам сказал, что второй раз жениться не планировал.

Поэтому серебряные доспехи и покер фейс – вот мой дресс-код на торжество. Если господину бизнесмену что-то не понравится – это его проблемы.

Если мне не суждено познать настоящую любовь, то попробую построить семью на взаимовыгодном деловом интересе. Пусть и ненастоящую…

Через год эксперимент завершится, и мы разойдёмся как в море корабли, получив дивиденды от этого фиктивного брака.

Вечером разбираю вещи в квартире отца и нахожу в кабинете коробку с фотографиями. Наверное, я когда-то их видела, но уже забыла. Папа избавил меня от ненужных воспоминаний, спрятав семейный архив.

Почти на всех снимках присутствует мама. Помню её очень смутно, лицо вообще стёрлось из памяти, остался лишь шлейф духов с ароматом ландышей. Нежный голос, которым она читала мне сказки на ночь.

Мне было пять, когда мама от нас ушла…

Знаете, это очень больно, когда тебя бросает самый близкий человек.

Я постоянно спрашивала у отца, где мама. Он говорил, что она уехала в другой город, и теперь у меня есть няня Марина Михайловна.

Нет, я не спорю, няня была хорошая, добрая, ласковая, но маму она заменить мне не могла…

Картина исчезновения Нелли Игорской собиралась в моей голове много лет из разрозненных пазлов. Оказалось, что мама полюбила другого мужчину, папа об этом узнал и выгнал её из дома. Пригрозил, что убьёт их обоих, если ещё раз увидит.

Они вынуждены были уехать из Екатеринбурга, и я не знаю, насколько легко было маме отказаться от меня.

Искала её через соцсети и знакомых. Родственников у мамы не было, она детдомовка, и как туда попала – я тоже не ведаю. Человек буквально испарился. Может, имя сменила, замуж вышла второй раз или вообще уехала за границу.

Даже не думала винить отца в её исчезновении. А сегодня нашла на дне коробки письма от мамы, и мне стало ясно, каким монстром был мой отец…

Похоже, я его совсем не знала…

А позже выяснилось, что и Вернер недалеко от него ушёл. Друзья, партнёры и одного поля ягоды...

Глава 2.

Ева

В письмах мама умоляла её простить. Говорила, что между ними с Евгением ничего не было. Она не позволяла никаких вольностей, они просто дружили, он иногда дарил цветы, духи принёс на Восьмое марта, а она зачем-то взяла… Неудобно было его обижать.

Просила не верить сплетням. Не быть жестоким к ней и к дочери. Спрашивала, как я. Писала, что очень по мне скучает. Не может спать по ночам, всё время плачет.

В этих письмах было столько боли…

Я снова и снова смотрела на фотографию, где мой молодой отец обнимает маму на фоне какой-то доски почёта на заводе. Он в каске, мама смеётся, папа смотрит на неё с обожанием.

Наверное, это был тот самый скромный комбинат, из которого потом вырастет целая корпорация со своим портовым терминалом и зарубежными контрактами.

В последнем письме, судя по дате на штампе, мама уже ничего не просила, а обвиняла его в жестокости.

«Я знаю, что ты изменял мне, Валера. Но когда услышал, что за мной ухаживает другой мужчина, предпочёл просто вышвырнуть меня из дома, с работы, удалить из своей жизни и лишить дочери.

Это бесчеловечно! У тебя нет сердца! Я ни в чём не виновата. И я проклинаю тебя, Игорский.

Пусть твои любовницы скорее доведут тебя до могилы, потому что я уже одной ногой стою в ней. И всё из-за тебя…»

Осторожно убираю коробку на место, будто это граната с неразорвавшейся чекой. Больше нет ни сил, ни желания прикасаться к вещам отца.

Я считала его почти святым. До определённого времени. А маму – падшей женщиной, но тоже возникали сомнения.

Оказалось, интуиция меня не подвела. Всё было совсем не так, как говорил мне папа.

Был ли у мамы роман с другим мужчиной, наверное, мне уже не узнать. Я понимаю его ревность, его обиду, желание причинить ей боль.

Но зачем он заставил страдать меня? Зачем лишил маленького ребёнка матери?

Этого я ему простить не смогу…

***

Слышу, как в сумке звонит телефон. Номер незнакомый. Принимаю вызов.

– Ева, здравствуйте. Это Вернер, – низким и отрывистым голосом представляется партнёр отца.

– Добрый вечер, Дмитрий Юрьевич, – настороженно отвечаю.

– Завтра в семь вечера нам нужно обсудить детали брачного договора. За вами прислать машину или сами в мой офис подъедете?

Надо же…

Даже не спрашивает, смогу ли я. Хочу ли я. Просто ставит перед фактом.

Такая манера общения быстро вгоняет меня в бешенство, аж зубы сжимаю.

– Завтра я занята, – спокойно ставлю на место этого хозяина жизни.

Вернер молчит. Пытается понять, что у меня на уме.

Похоже, ему даже в голову не пришло, что я могу отказаться.

– Назовите день и время, когда мы сможем встретиться. Я постараюсь отодвинуть свои дела, – никакой обиды или раздражения в голосе. Напротив, спокойствие и доброжелательность.

Может, я зря на мужика наезжаю? Нормальный он. Хочет помочь, а я копытом бью как строптивая лошадь.

– Можно встретиться послезавтра. Напротив нашей клиники есть кафе, у меня будет обеденный перерыв с двух до трёх.

– Договорились.

Связь обрывается.

Даже не попрощался…

Стою с телефоном в руке и смотрю в окно, за которым сгущаются сумерки.

Очень хочется верить, что Вернер не похож на моего отца.

Но время покажет, что он ещё хуже…

***

Клиника, в которой я работаю, расположена в переулке недалеко от Плотинки. Тихое место в центре города. Меня взяли туда сразу после института, и с каждым годом я кирпичик за кирпичиком выстраивала свою репутацию, обрастала клиентами благодаря самой лучшей рекламе – «сарафанному радио».

Почему я выбрала урологию?

Безусловно, не самое приятное занятие – лечить мужские пиписьки. Зато ты можешь показать, что женщина способна взять их за одно место и решить: будет в ближайшее время у самца половая жизнь или нет.

Не зря этот орган называют «мужское достоинство». Для многих представителей сильного пола способность покрыть как можно большее число самок напрямую ассоциируется с силой, властью и финансами, возможностью держать в кулаке весь мир.

И как только они становятся несостоятельны в плане секса, сразу впадают в депрессию, теряют деловую хватку и деньги.

У меня порой возникает ощущение, что жизнью мужчины управляет голова в штанах, а не на плечах. И если первая выходит из строя, то вторая уже не может остановить падение с Олимпа.

Вот такой парадокс…

Поэтому пациенты часто смотрят на меня как на богиню. Трепещут перед доктором, в руках не только их здоровье, но и будущее.

Когда в два часа дня я перешагиваю порог кафе, Вернер уже там. Сидит за столиком, потягивает воду с газом из тонкого бокала и что-то читает в телефоне.

Пунктуальность и спокойствие. Мне нравится…

Импонирует и то, что он без лишних расшаркиваний переходит к делу, экономя и своё, и моё время.

Достаёт из папки проект брачного договора, я пробегаю его глазами, пока нам готовят заказ. В общем, всё стандартно: при разводе его имущество остаётся у него, моё – у меня. Никакого «совместно нажитого не будет».

Проживаем в его загородном доме. У меня будет личный водитель-охранник с машиной. В целях безопасности.

Ладно, это можно проглотить.

– Я бы хотела внести ещё несколько пунктов, – выдвигаю свои условия. – Мне нужна отдельная спальня в доме. Я продолжу работать здесь, в клинике. Возможны ночные вызовы и дежурства в стационаре при необходимости. Никто меня не контролирует и ничего мне не запрещает. По городу я тоже езду куда хочу и встречаюсь с кем хочу.

Как вы и сказали: каждый из нас живёт своей жизнью. Будем придерживаться этого мудрого решения.

Маска равнодушия на лице Вернера словно приклеилась намертво.

– Это всё?

– Нет. Ведь этот договор не станет достоянием общественности, поэтому давайте сразу внесём в него дату официального развода, – наглею.

– Нет, это невозможно. Данный пункт противоречит условиям завещания. Если кто-то узнает о том, что у нас фиктивный брак, ваше наследование ценных бумаг смогут оспорить, – твёрдо ставит точку, и я больше не настаиваю.

В самом деле, если Арийской каким-то образом удастся получить копию этого брачного контракта, на акциях можно будет поставить крест.

Залипаю взглядом на руках Вернера. Крупные ладони, мощные кисти, дорогие часы на запястье. Стоят, наверное, как моя зарплата за полгода.

На фалангах пальцев тёмные волоски. «Наверняка и грудь волосатая. И дорожка волос спускается по плоскому животу вниз…», – мелькают в голове откровенные мысли.

– Относительно спальни не возражаю. Дом большой, выберете комнату, которая понравится, отремонтируем под ваш вкус. Работы я тоже не собираюсь вас лишать. Через год разведёмся, с этим тоже проблем не должно возникнуть. А вот относительно «встречаюсь, с кем хочу», я не согласен.

Ева, вы станете женой довольно богатого человека. Бизнесмена, у которого куча конкурентов и недоброжелателей, чего уж греха таить. Поэтому при желании любой из них сможет попытаться повлиять на мои решения через вас. А учитывая размер вашего состояния, охотников за сокровищами может оказаться немало.

Киваю. Вернер говорит разумные вещи.

– И ещё. Наш брак должен выглядеть достоверно. Моя личная жизнь – это отражение бизнес-процессов корпорации. И если инвесторы, партнёры, совет директоров увидят, что в ней что-то шатается, вызывает вопросы, теряет устойчивость, априори это будет для них означать, что мои решения в бизнесе не совсем надёжны.

Поэтому мы вместе должны присутствовать на всех приёмах, официальных мероприятиях и встречах. Наш союз должен выглядеть нерушимым, чтобы никто не заподозрил фиктивность договорённости.

Понимаю, что он прав, но в душе снова ворочается какая-то подозрительность, и вся наша затея совсем невкусно пахнет.

– Значит, мы с вами будем разыгрывать спектакль на публике? – сам собой вырывается из груди вздох.

– Это деловая необходимость, – спокойно поправляет.

Ладно. Пусть так. Но от этого не легче. Врать я не привыкла.

– Будь по-вашему, – соглашаюсь после паузы, во время которой нам подали обед. – Я буду сопровождать вас на светские мероприятия. Водитель с машиной тоже принимается. Но, пожалуйста, никакого вмешательства в мою частную жизнь и посягательств на личные границы.

Вернер смотрит мне в глаза, будто пробует прочитать мысли. Взгляд острый, как лезвие, по коже бегут мурашки, но я не опускаю голову. Смотрю на него открыто, тем самым показывая, что мне нечего скрывать.

Наконец, берёт вилку и нож и начинает резать стейк. С кровью.

– Договорились, Ева Валерьевна.

У меня словно камень падает с души. Это очень хорошо, что с моим будущим мужем можно договориться.

– Наверное, нам нужно перестать друг другу «выкать», чтобы не провалить миссию, – сдержанно улыбаюсь.

Маска равнодушия трескается, у Вернера дёргается уголок рта, будто он учится растягивать губы в улыбку. Получается откровенно плохо.

– Можете называть меня Дмитрий, – разрешает, прожевав кусочек мяса и положив приборы на тарелку.

Подзывает официанта, оплачивает наш обед крупной купюрой, оставив щедрые чаевые, а потом встаёт из-за стола.

– Свадьба через две недели. Мои люди свяжутся с вами по поводу формальностей.

И уходит, оставив меня в полном замешательстве.

Глава 3

Вернер

Эх, Валерий, Валерий… Старый ты идиот…

О покойниках только хорошо или никак, но мне хочется костерить Игорского последними словами. С того момента, как Абрамов прочитал завещание, и спустя десять дней за рулём чёрного Гелика, по дороге в офис.

Мысль о расставленной партнёром ловушке никак не выходит из головы.

Зачем Игорский втянул меня в этот брак, да ещё таким нечестным образом? Без предупреждения, обманом мертвеца, который прекрасно знал, что я не смогу отказаться и потерять половину компании. То, что Леонелла продаст акции конкурентом, ясно как божий день. Эта алчная сучка спит и видит, как получить миллионы и свалить из страны.

Мой план был логичным и простым: Ева наследует акции отца, я их выкупаю. У меня сложилось впечатление, что она вполне серьёзная, разумная женщина, и мы сможем договориться.

Врач, человек, далёкий от горной добычи и металлургии, не станет лезть туда, где ничего не понимает. Ей не нужен пакет акций компании, в делах которой она ничего не смыслит. Но от денег она, конечно, не откажется. А я предложу выгодную цену и стану единоличным владельцем «Игорский-Вернер Групп».

Казалось, что цель у меня в кармане. Последние пять лет я видел, как Игорский постарел, охладел к бизнесу, потерял деловую хватку. Можно сказать, что все ключевые решения я принимал один, его лишь ставил в известность. Старика это устраивало. Так мне казалось.

Но мстительный гад разрушил мою мечту одним росчерком пера в завещании.И в итоге, чтобы полностью завладеть компанией, мне придётся жениться на его дочери.

Я чувствую, как с каждым днём во мне нарастают злость и раздражение. Хладнокровие сдаёт позиции, уступая место вполне обоснованной ярости.

Ненавижу терять контроль. А Игорский лишил меня возможности контролировать ситуацию с бизнесом. Если акции уплывут конкурентам, это будет для меня катастрофа…

Мёртвый партнёр сыграл со мной в нечестную игру. Но надеюсь, что я его всё же переиграю…

***

В офисе привычная суета. Привычный механизм работает как по нотам, и это немного успокаивает.

Секретарь Марина суёт мне в руки папку с документами. В лифте коротко докладывает обстановку, отчитывается о звонках. Мы поднимаемся на верхний этаж, в переговорную, где через десять минут начнётся совет директоров.

Открываю дверь и вижу, что все ключевые фигуры на месте. Финансовый директор Стеблов копается в своих бумагах, руководитель юридического отдела Лебедев переговаривается с Рогачёвым, начальником управления портовым терминалом. Ну и остальные сидят, терпеливо ждут новостей.

Стеблов первым поднимается, когда я вхожу. Приветственно пожимаем друг другу руки.

– Дмитрий Юрьевич, начнём с экспортных контрактов? – торопит финансовый протолкнуть свой вопрос.Но я не отхожу от своего плана:

– Нет, давайте начнём с того, что действительно важно. Марк Аркадьевич, – обращаюсь к Рогачёву, – что с портовым терминалом?

Заслушиваю доклады, задаю уточняющие вопросы по загрузке терминала, переговорам с азиатскими партнёрами о расширении квоты на экспорт руды. Обсуждаем ситуацию с вве-

дением новых тарифов на железнодорожные перевозки. Делаю для себя пометки в блокноте, чтобы вернуться к каким-то вопросам, что-то взять на особый контроль.

Здесь я чувствую себя в своей стихии. Бизнес строго подчиняется логике, цифрам, законам экономики.

А что меня ждёт после заключения брачного контракта – остаётся загадкой. Но постараюсь взять под контроль и дочь своего покойного партнёра, пусть земля ему будет свалявшимся, колючим пухом и жёстким пером, в отместку за идиотское завещание.

В конце совещания руку поднимает наш начбез, Егор Иванович Северов. Бывший офицер спецслужб, крепкий мужик пятидесяти пяти лет. Молчаливый и въедливый, когда дело касается его епархии.

– Слушаю, Егор Иваныч, – обращаю внимание на безопасника.

– Поступила информация, что делами компании начал активно интересоваться Эдуард Артемьевич Данилин. Через посредников наводит справки о судьбе пакета акций Игорского. Пытается выяснить условия завещания.Рука непроизвольно сжимается в кулак. Основной конкурент давно облизывается на наши месторождения. А когда у нас появился портовый терминал, единственный на весь регион с прямым выходом на экспортные маршруты, Данилин совсем страх потерял.

Дважды за последние три года пытался провернуть недружественные поглощения более мелких игроков рынка.

Оба раза делал это с холодной, продуманной жестокостью, которая мне самому была хорошо знакома – потому что это была моя собственная манера вести дела, просто применённая в мою же сторону.

– Интересно, кто ему рассказал о завещании? – вопрошаю в никуда, будто сам с собой разговариваю. Понимаю, что проговориться мог любой: и водитель Леонеллы, и Арийская, и Ева…

Северов с каменным лицом докладывает:

– Проверяем. Утечка возможна как из нотариальной конторы, так и от кого-то из ближайшего окружения покойного.

Но я всё-таки склоняюсь в сторону Арийской. Леонелла претендовала на половину наследства, а получила лишь жалкие крохи с барского стола, в её понимании.

Жадная молодая стерва. И мне жаль, что именно я свёл их с Игорским.

– Хорошо, Егор Иванович. Держите меня в курсе. Если Данилин попытается выйти на прямой контакт с дочерью Игорского, я должен узнать об этом первым.Начальник безопасности кивает, а я ловлю внутри напряжение: нельзя допустить, чтобы Данилин добрался до Евы. И чем быстрее у неё появится кольцо на руке, штамп в паспорте и личный водитель-охранник, тем лучше.

Сворачиваю совещание и прошу Северова остаться. Нужно выдать инструкции, чтобы за Евой присмотрели. Ещё до свадьбы. Мне так будет спокойнее…

Глава 4

Вернер

Возвращаюсь вечером в свой пустой загородный дом. Тот самый, который купил когда-то для первой жены.

Усталость свинцовым одеялом ложится на плечи. Сдёргиваю галстук, расстёгиваю рубашку, наливаю в бокал виски и сажусь у камина в кресло, чтобы поставить жизнь на паузу. Несколько минут помогут расслабиться и прийти в себя. Смотрю на огонь и невольно вспоминаю Прагу…

Это была деловая поездка. В одном из старинных особняков вечером состоялся приём в честь подписания нашего первого крупного зарубежного контракта.

Стоя у окна, рассматривал огни города. Неспешно потягивал терпкое вино и уже собирался уходить, когда ко мне подошла девушка.

Стройная, даже я бы сказал – худая. Светлые волосы, локонами спускающиеся за спину. Красивая, как с глянцевой обложки журнала. Такую нельзя не заметить…

– Извините, вы не могли бы помочь? Хотела уехать домой, а машина не открывается. Что-то с сигнализацией случилось или замком, – произнесла на вполне сносном русском, с лёгким акцентом.

Оказалось, что её мать – русская. Вышла замуж и переехала в Чехию двадцать шесть лет назад. Но об этом Ядвига рассказала мне позже. А пока мы стояли на парковке около её машины, и девушка изображала смущение изо всех сил.

Я быстро сообразил, что проблема с сигнализацией высосана из пальца. Была неправильно вставлена батарейка в брелок. Как-то не верится, что такую вещь хозяйка не заметила. Наверняка подобный трюк с мужчинами проворачивает не впервые.

Естественно, сделал лицо кирпичом, переставил батарейку и открыл дверь Фольксвагена. Девушка предложила подвезти меня до гостиницы. Но её благодарность была намного больше: чешка осталась у меня в номере до утра.

Ядвига Ольшевская – не просто девушка из эскорта, как мне подумалось сначала. Она оказалась моделью, участвовала в показах мод, даже в Париже, грезила о карьере в модельном бизнесе, но годы шли, а выгодных предложений не поступало.

И тогда Ядвига решила попробовать сделать карьеру на другом поприще: выйти замуж за богатого бизнесмена и стать светской львицей. Про вечерний приём, где будут русские предприниматели, она узнала от знакомой девушки, действительно работающей в эскорте.

Ночь была бурной. Ольшевская устроила показательные выступления в постели, и я проникся. У нас завязался роман.

В тот период мы с Валерием расширяли свой бизнес, дневали и ночевали на работе. Поэтому меня вполне устраивали отношения на расстоянии. Без частых встреч и звонков, без серьёзных обязательств. Каждое свидание в Праге или Москве дарило фейерверк эмоций. Он затухал, как только самолёт поднимался в небо, чтобы разлучить нас.

А через полгода, она позвонила и сказала, что беременна…

Помню, как малодушно растерялся и долго молчал в трубку. Прикидывал в голове, какие есть варианты, но всё сводилось к единственному решению.

Ребёнок – это не актив на балансе предприятия. Это человек, моя плоть и кровь, и размениваться на мелочи в этом случае неприемлемо. Я сделал предложение Ядвиге и женился. Купил большой дом и перевёз её в Екатеринбург.

В первый же месяц после свадьбы она заскучала. Сказала, что не привыкла сидеть без дела, и мне пришлось купить ей салон красоты.

«А что ты хотел, Дима? Девушка привыкла быть в центре внимания, ловить восхищённые взгляды, следить за собой. Значит, придётся инвестировать деньги в индустрию красоты», – рассудил здраво.

Примерно два года мы жили вполне мирно. Сын родился крепким и горластым, унаследовал от меня цвет волос и глаз. Ядвига быстро сбагрила ребёнка на нянек, а сама продолжила управлять салоном, ездить на различные семинары, скупать новейшее оборудование для своего бизнеса.

И чем дальше, тем яснее становилось: мы с Ядвигой абсолютно чужие люди, случайно связанные общим ребёнком и одной ночью в пражской гостинице.

Жене наскучила возня с салоном, она решила открыть косметологическую клинику, не имения ни соответствующего образования, ни понятия о том, что это совершенно иной уровень ответственности.

Я отказался дать денег, и трещина в наших отношениях превратилась в бездонную пропасть.

– Ты женился на мне, но не делаешь ничего, чтобы я была счастлива! – шипела Ольшевская во время очередной ссоры. – Пропадаешь на своей работе, а я сижу и смотрю в стену, потому что мне нечем заняться.

– Занимайся ребёнком. Ты же мать? – тыкал её носом в очевидные вещи.

– А ты отец! И что с того? Видишь сына только в выходные!

Бесполезно было доказывать, что работай я с девяти до шести вечера – у нас не будет ни этих хором, ни поездок три раза в год на заграничные курорты, ни внушительной суммы на счёте в банке.

А самое главное – у жены не будет целого гардероба из шуб, вечерних платьев, дизайнерской обуви и дорогих украшений.

И я подумал: «А зачем, собственно, я всё это терплю? Я женился, потому что она забеременела. Между нами была страсть, которая погасла, как свеча на ветру, стоило только начать жить вместе. Никакой любви нет и в помине. Смысл играть в счастливое семейство?»

И я всё чаще оставался ночевать в городской квартире. Объяснял эти ночёвки долгими совещаниями, поздним возвращением из командировок, но не всегда это было правдой.

В моей жизни появлялись женщины. На одну ночь. Иногда – на две. Но никогда – больше. Чтобы не привязываться и не привязывать. Просто для снятия напряжения.

Думаю, Ядвига догадывалась. Но делала вид, что ей всё равно.

Или на самом деле плевать хотела на мои измены…

Когда сыну исполнилось четыре года, я решил поставить точку в нашем браке с Ольшанской. Фамилию она так и не поменяла. Не хотело, чтобы предали забвению её заслуги на поприще моды.

Я отправил Ядвигу обратно в Прагу, с щедрым содержанием и условием, что Кирилл каждое лето будет проводить со мной, в России.

Жена согласилась, и что особенно задело – с радостью. Похоже, ей давно осточертела роль домохозяйки в чужой холодной стране, вдали от подиумов и вспышек камер.

Прошло много лет. Кирилл вырос умным и самостоятельным парнем. Учится в Праге, лето проводит в России. Иногда мы с ним куда-то уезжаем, я показываю сыну, как велик мир, и напоминаю, что у него море возможностей построить своё будущее в любой стране.

Благодаря Ольшанской я вынес главный урок: одиночество и покой стоят дороже любой красоты и страсти.

Тихая гавань важнее ристалища. Я не хочу больше приходить домой и вместо отдыха получать очередной раунд выяснения отношений.

Не ожидал, что Игорский решится испортить мою жизнь: заставит меня снова надеть кольцо на безымянный палец и привести в дом очередную жену…

Вспомнился разговор в кафе с его дочерью. Её требование предоставить отдельную спальню.

Усмешка кривит губы, а я допиваю из бокала последние капли обжигающего горло напитка.

Что она вообще о себе возомнила, эта пигалица?

Решила, что я испытываю недостаток в женщинах? Подумала: настолько изголодался,

что стану ломиться в закрытую дверь?

А может, Ева считает себя настолько неотразимой, что опасается, будто я не удержу себя в руках рядом с ней?

Право, это забавно...

Честно говоря, я давно привык к другому раскладу. Женщины сами вешаются мне на шею. Ищут встреч, предлагают себя горящими взглядами, прикушенными губами, румянцем на щеках…

Я научился мастерски читать язык женского тела. Красивые, амбициозные, умные – разных типажей, но объединённые одной общей чертой: желанием оказаться рядом с успешным, состоятельным, влиятельным мужчиной.

Много лет мне не приходилось прикладывать усилий для соблазнения. Дамы сами выставляли себя на аукцион, мне оставалось лишь сделать выбор.

Дочь Игорского и рядом не стояла с теми красавицами, которые мне себя предлагают.

Придётся проучить заносчивую докторицу. Вспомню забытые навыки и добьюсь, что она сама прыгнет ко мне в койку.

Ну что ж. Пусть будет отдельная спальня. Раз она настаивает.

Год формального брака, говорите, Ева Валерьевна?

Посмотрим, как долго продержится ваша хвалёная независимость и железная выдержка...

Глава 5

Ева

Свадебное торжество проходит в загородном отеле на берегу небольшого холодного озера. На стриженой лужайке стоит огромный шатёр, на самом берегу – красиво оформленная живыми белыми цветами арка.

Для меня всё это декорации к театральному спектаклю. Ни капли искренности, ни грамма души.

Мы с девочками расположились в номере для новобрачных. Ира застёгивает на мне платье: длинный ряд мелких пуговиц на спине. Тяжёлый шёлк графитового оттенка холодит кожу, и я нервно поёживаюсь.

Глухой круглый вырез, узкий длинный рукав почти до самых пальцев, ровная линия плеч, обтягивающая бёдра юбка ниже колена с небольшим разрезом сзади.

Свадебным это платье не назовёшь. Скорее, оно похоже на непробиваемую броню для тяжёлых переговоров.

Украшений тоже минимум: лишь маленькие круглые жемчужны в ушах. А ещё часы с тонким ремешком на запястье – подарок отца на совершеннолетие.

Давайте начистоту: сегодня я продаю год своей жизни. Праздник это для меня или траур – догадаться несложно.

Ира смотрит на меня в зеркало из-за плеча:

– Ев, ты так классно выглядишь, но… Знаешь, от этого платья и твоего ледяного взгляда просто мороз по коже.

Вторая моя подруга, тоже доктор из нашей клиники – Лена Самохина, берёт со стола бокал шампанского и осушает одним махом. Обе девчонки в красивых коктейльных платьях пастельных тонов, но явно чувствуют себя не в своей тарелке среди волчьей стаи, собравшейся внизу.

– Ничего, холод полезен для тонуса сосудов, – сухо замечаю, глядя в свои же зрачки. Они тёмные, настороженные, большие. Концентрация адреналина в крови зашкаливает.

Самохина командует:

– Всё, девчонки, время! Пора спускаться.

Ирка подходит к столу и разливает оставшееся в бутылке шампанское в бокалы:

– Давайте. Для смелости.

Мы заливаем в себя праздничный напиток как газированную воду, совершенно не испытывая радости. В этой ситуации больше подошёл бы коньяк, но уж что приготовили для невесты. Не будем привередничать.

Спускаемся по лестнице и слышим гул голосов в банкетном зале. Я рассчитывала на скромное торжество, но Вернер дал понять, что это он заказывает музыку. И ему важно пустить пыль в глаза топ-менеджерам корпорации и партнёрам. Убедить их в серьёзности своего шага.

Основная публика – руководящее звено «Игорский-Вернер Групп», седеющие акулы металлургии, финансовые партнёры. Замечаю нескольких чиновников из областного правительства.

Мужчины в тёмных костюмах. Женщины в роскошных платьях с бриллиантами. Чувствую себя Золушкой на балу, а не невестой на собственной свадьбе.

В принципе, я недавно похоронила отца. Надеюсь, гости не рассчитывали увидеть меня в пафосном белом платье…

И вдруг я замечаю женщину в длинном алом платье с голой спиной.

Леонелла! Эта тварь решила выпендриться.

Безутешная вдова уже быстро забыла о своём горе и пришла на торжество в наряде кричащего цвета. Траур закончился.

Ну что ж… Вопросы, как говорят, излишни. Выводы делайте сами.

Наверное, я бледнею, потому что Вернер быстро поднимается нам навстречу по мраморной лестнице и подставляет мне локоть.

Толпа замолкает и поворачивается в нашу сторону. А я не могу оторвать глаз от Арийской.

Господи, ну зачем Вернер её пригласил?

Леонелла впивается в меня ненавидящим взглядом. Я прямо чувствую, как в грудь входит копьё, несущее яд на своём острие.

Любовница отца, которая буквально довела его до гроба, пришла убедиться, что с Вернером мы реально женимся?

Или это мой будущий муж решил наглядно показать Арийской, как от неё уплывают акции?

А может… между ними есть что-то, о чём я даже не догадываюсь?

Господи, да у меня голова сейчас лопнет!

Стук сердца раздаётся в висках, боль пульсирует и наращивает амплитуду. Мигрень вот-вот накроет своей аурой, а таблетки остались в сумке в гостиничном номере. Надо кого-то из девчонок послать, иначе после регистрации я реально слягу, и за столом рядом с Вернером будет сидеть Леонелла.

Так сказать, временно исполняющая обязанности ближайшей родственницы невесты.

– Ева, успокойся. Держи лицо, – роняет мой партнёр едва слышно.

Глава 6

Ева

Мой будущий супруг безупречен. В чёрном смокинге, подчёркивающем широкие плечи, кипенно-белой рубашке с запонками из платины. Словно скальпелем разрезает толпу властным хозяйским взглядом.

Спокойный, уверенный, прекрасно знающий цену своим словам. Его аура ощущается тяжёлым свинцовым покрывалом. Харизма заставляет замолчать и смотреть как кролики на удава, напряженно вглядываясь в лицо.

Его присутствие ощущается сразу, как только входит в помещение. На каком-то животном уровне появляются тревога и страх.

Я на себе уже не раз ощущала подавляющую энергетику этого человека. Она размазывает человека, прежде чем тот начинает понимать, кто перед ним.

Честно говоря, мне страшно жить с Вернером в одном доме. Но надеюсь, что год я выдержу…

Церемония проходит на берегу озера. Молодая регистраторша волнуется, краснеет, произнося заученные фразы о неземной любви и союзе сердец. Меня буквально начинает подташнивать от текста и разыгравшейся мигрени.

Вернер замечает, что мне не по себе.

– Голова болит? – тихо спрашивает.

Наверное, увидел, как морщусь.

– Да. Немного, – незаметно киваю.

– Таблетки с собой взяла? – продолжает допрос и обнимает меня за талию, чтобы не шатало ветром.

– В сумке. В номере.

– Одну минуту, – командует представительнице загса. Поворачивает голову и к нему тут же подбегает охранник. Он что-то говорит парню на ухо, и тот уходит. – Можете продолжать.

Девушка, красная как помидор, не может вспомнить, на чём остановилась и начинает речь с самого начала.

– Покажите, где нам нужно расписаться, – мой будущий муж не намерен выслушивать этот пафосный бред второй раз.

Перед нами открывают папку, и мы быстро ставим подписи. Вернер надевает мне на палец гладкое золотое кольцо. Оно такое массивное, что похоже на кандалы.

Аналогичное надеваю ему на руку.

Мы теперь оба повязаны, Дмитрий Юрьевич…

Муж наклоняется для протокольного поцелуя, и я отшатываюсь на автомате.

Боже, ну что со мной такое!..

Вернер твёрдой рукой обнимает меня за спину и притягивает к себе. От него пахнет мятой и селективным парфюмом с нотами ветивера и сандала.

В груди что-то взрывается, сердце прыгает в горло и там замирает. Я вся как натянутая струна. Если он вопьётся мне в губы, боюсь, что не выдержу. Упаду ему под ноги, чтобы избавить себя от этой пытки.

Ха-ха… Ева вышла из чата…

Но Дмитрий заглядывает в глаза и лишь мажет по моим поджатым губам сухим поцелуем.

Да, я же говорила, что он видит людей насквозь. А у меня, похоже, ещё и мысли читает…

Как по регламенту присутствующие начинают хлопать. Возможно, где-то в стороне стоит режиссёр этого спектакля и даёт отмашку. Мы отправляемся под аплодисменты в шатёр, где накрыты столы.

Ира вытирает слёзы, Лена стоит в стороне и наблюдает за мной с тревогой. Киваю, показывая, что всё нормально.

Рядом с моими столовыми приборами стакан воды и блистер с таблетками от мигрени. Из моей сумки.

Кажется, я спасена, и всё благодаря мужу…

Гости быстро рассаживаются за столы, первые тосты звучат о процветании холдинга, расширении контрактов, надёжном партнёрстве.

Ни слова о любви. И, слава Богу…

Головная боль постепенно отступает, краски возвращаются к лицу, Вернер перестаёт следить за мной взглядом. Успокаивается.

Вечер идёт своим чередом. Приглашённый ведущий нас почти не трогает. Сдержанно развлекает гостей. Охрана стоит за нашими спинами, поэтому близко к столу никто не подходит.

Но находится одна бессмертная: Леонелла подплывает в своём пожарном наряде с бокалом в руке, покачиваясь на высоких каблуках. Алые губы растянуты ядовитой усмешкой. Наверняка какую-то гадость приготовила.

Вернер хмурится. Охранник наклоняется к нему, но он качает головой: приказа выпроводить гостью не поступает.

Арийская пьяна. Или изображает опьянение, чтобы ей заранее простили то, что скажет.

– Димочка, поздравляю! Торжество больше похоже на поминки, но ладно, – грудным голосом оскорбляет Вернера, а затем переводит плавающий взгляд на меня. – Ева, платье из офисной пыли или у санитарок в клинике униформу позаимствовала? Валера не раз сетовал, что со вкусом у тебя беда. Но не думала, что до такой степени.

Меня охватывает негодование. Кровь приливает к щекам, становится нестерпимо жарко. Наверняка шея пошла красными пятнами. Не могу молчать.

– Зато в отличие от вас, Леонелла Михайловна, я помню о своём трауре и одета подобающе. А вы, кажется, перепутали дорогой отель с публичным домом? – медленно поднимаю бровь и боковым зрением вижу, как Вернер скрещивает на груди руки.

Он что, приготовился наблюдать за перепалкой?

Решил развлечься на скучном торжестве за наш счёт?

Арийскую перекашивает от злости. Но прежде чем она успевает мне ответить, рядом с ней вырастает охранник. Не из тех, что стоят позади нас, а кто-то из зала.

– Мадам, вы выпили лишнего. Пойдёмте, я вас провожу. Машина с водителем ожидает у входа, – Леонеллу вообще не нежно берут под локоток и почти уносят к выходу. Она едва успевает подставлять ноги.

Певичка понимает, что спорить с охраной Вернера бессмысленно.

Весь зал наблюдает эту картину, и больше к нам никто не подходит.

И тосты не звучат.

Теперь точно свадьба напоминает похороны, только музыка здесь лишняя…

***

В особняк мы приезжаем глубоко за полночь. Огромный дом утопает в тишине и покое. Никакой прислуги. Охрана только на въезде, в своём домике.

Мои вещи должны были перевезти днём. Там всего два чемодана. На первое время хватит, и всё-таки я надеюсь, что чаще буду ночевать у себя, в городе.

Поднимаемся по широкой каменной лестнице. Ноги гудят от каблуков, нервы натянуты до предела. Я иду впереди Вернера, как под конвоем.

– Где моя спальня? – осмеливаюсь спросить, хотя чувствую себя скованно.

Дмитрий останавливается прямо за мной. Достаёт руки из карманов и кладёт мне на плечи.

По спине тут же пробегает табун мурашек.

Вернер наклоняется и осторожно целует шею, а я чувствую ожог на коже.

Господи, не надо! Пожалуйста! Неужели он меня обманул и никакой отдельной спальне не будет?!

Но Боженька отвечает на мои молитвы голосом новоиспечённого супруга:

– В конце коридора налево. Горничная уже разложила вещи.

Я облегчённо опускаю грудную клетку и только в эту секунду понимаю, что затаила дыхание.

– Спокойной ночи, Дмитрий Юрьевич, – быстро прощаюсь и стартую с места на третьей скорости.

Ноги устали? О чём вы?

Я готова пробежать стометровку, лишь бы муж не догнал.

Последняя дверь налево открывается без ключа. Забегаю в комнату и прислоняюсь спиной к дубовому полотну.

Сердце рвётся из груди на свободу. Предчувствует, что в этом доме спокойной жизни мне не будет.

На стене замечаю выключатель с маленьким голубым светодиодом. Под потолком вспыхивает люстра. Комната отремонтирована в серых и белых тонах, как и интерьер моей городской квартиры.

«Он что, побывал у меня дома?– ловлю признаки начинающейся паранойи. – *Откуда Вернер узнал, какие обои мне понравятся, а покрывало не будет раздражать неприятным цветом?»*

Руки холодеют. Я нащупываю замок на двери и медленно поворачиваю его до звонкого щелчка.

Всё. Кажется, я спряталась от монстра.

А может, заперла себя в клетке? Добровольно?

Надеюсь, утром всё прояснится и мне станет спокойнее.

Но наше совместное утро началось не с кофе, а с настоящей войны…

Глава 7

Ева

Выхожу из комнаты в половине восьмого. Сказать, что я провела кошмарную ночь, это ничего не сказать. Почти до самого утра вслушивалась в тишину. Сжималась в нервный комок, едва раздавались шаги в коридоре. Всё ждала, что звякнут ключи, и дверь в мою комнату распахнётся.

Господи, откуда этот страх? У Вернера ведь реально нет недостатка в женщинах. Такому мужчине даже платить за секс не нужно. Озабоченные дамочки сами приплатят, лишь бы осчастливил…

Вхожу в кухню половине восьмого. На мне строгая тёмно-зелёная блузка и узкие чёрные брюки. Я уже готова ехать на работу в клинику.

Вернер сидит за столом из белого мрамора, листает новости в телефоне, потягивает кофе из чёрной чашки.

– Доброе утро, – приветствую мужа и наливаю себе стакан воды, чтобы запить таблетку от головной боли. Бессонная ночь не прошла даром, мигрень вернулась.

– Доброе. Артём отвезёт тебя к девяти, – сообщает, не отрывая глаз от экрана и даже не посмотрев в мою сторону. – Твоя машина останется здесь. С этого дня у тебя личный водитель-охранник.

Проглатываю таблетку, запрокинув голову, и замираю со стаканом у губ.

В принципе, мы об этом говорили. Но я не думала, что с первого дня семейной жизни буду у супруга под колпаком.

Пробую отстоять свою независимость.

– Что, прости?

Муж поднимает тяжёлый, размазывающий меня по полу, взгляд.

– Личный водитель будет возить тебя на работу, с работы и по городу. Его зовут Артём. Что непонятного я сказал?

Мне становится плохо. Физически. Ноги слабеют, и руки начинают дрожать. Энергетика Вернера настолько давит, что хочется упасть на колени и уползти отсюда куда-нибудь подальше.

Но я понимаю: сдамся сейчас, в первый день нашей «семейной» жизни – и он будет делать всё, что хочет. Нужно выдержать. Показать свою силу, стойкость, независимость…

– Извини, но мы не поняли друг друга! – повышаю голос, пытаюсь говорить твёрдо и отрывисто. – Ты сказал, что водитель у меня будет для безопасности. И тогда, когда понадобится. Сейчас в нём нет необходимости. Я десять лет за рулём и дальше буду ездить на своей машине. Хочется ему – пусть сзади таскается. Но я не собираюсь согласовывать каждый свой шаг с охранником или кем-то ещё.

Вернер откладывает телефон в сторону и медленно встаёт из-за стола. Поднимается, как волна цунами из океана, а я невольно приседаю.

Совсем чуть-чуть.

Но этого достаточно, чтобы начать презирать себя за трусость.

Муж подходит ко мне и останавливается, засунув руки в карманы брюк с безупречными складками. Покачивается с носка на пятку и обратно. Смотрит сверху вниз, как удав на кролика.

Забываю, как дышать. Воздух отказывается поступать в лёгкие. Лихорадочно тереблю пальцами верхнюю пуговицу блузки, чтобы расстегнуть.

– Госпожа Вернер, вы, кажется, не поняли, что ваш социальный статус изменился? До вчерашнего дня ты была просто рядовым врачом, Ева. Сегодня – жена совладельца крупней-

шего промышленного холдинга региона. Человека, у которого достаточно врагов, включая Данилина. Ты понятие не имеешь, в какую воду зашла. Артём Зуев – не просто водитель. Он бывший сотрудник спецподразделения. И его задача – сохранить твою голову. Вернуть тебя домой живой и невредимой.

Мне кажется, что Вернер сгущает краски. Ну до этого я тоже была не сиротой. Дочь его партнёра, не менее богатого и влиятельного человека. Но что-то папочка не спешил приставлять ко мне охрану и не говорил об опасности…

– Почему рядом с отцом моя жизнь не стоила ломаного гроша, а рядом с вами я сразу превратилась в мишень? Не объясните? – скрещиваю руки на груди в защитном жесте и хочу найти логику.

Но терпению мужа быстро приходит конец:

– Потому что акции компании не висели в воздухе, а лежали в наших с твоим отцом сейфах. Завтракай. На работу поедешь со мной в машине. А не захочешь – значит, и работы никакой у тебя не будет. Же-на!

Эта козлина хочет запереть меня дома?..

Размечтался!

Ладно. Сделаю вид, что готова принять его правила. И буду думать, как переиграть этого гроссмейстера…

***

На приёме в этот день, как на каторге: считаю минуты до окончания рабочего дня. Пациенты, анализы, заполнение карт – привычная рутина обычно успокаивает, но сегодня всё бесит. Особенно мужчины, трясущие перед моим носом своим хозяйством.

В каждом видится Вернер. Надеюсь, когда-нибудь это напыщенный индюк попадёт в мои руки, вот тогда и посмотрим, кто здесь главный…

В пять часов, заполнив последнюю карту, решаюсь на глупый, детский бунт. Агрессия, накопленная за день, требует выхода.

Отпускаю медсестру, переодеваюсь, натягиваю плащ и вместо центрального выхода спускаюсь по служебной пожарной лестнице во внутренний двор.

В висках стучит, спина мокрая, я то и дело оглядываюсь, в поисках слежки.

Муж сказал, что Артём в машине будет ждать меня у центрального входа.

Ну что ж, пусть подождёт…

Через приложение вызываю такси на соседнюю улицу. Почти бегом пересекаю переулок, прыгаю на заднее сиденье жёлтого «Соляриса» и выдыхаю:

– На проспект Ленина, пожалуйста, и побыстрее. Я опаздываю.

Машина встраивается в поток. Смотрю в окно, в груди бурлит глупое ликование.

Ну как, господин Вернер? Выкусили? Я вам не марионетка, которую можно дёргать за ниточки.

Договаривались, что каждый будет жить своей жизнью? Выполняйте.

Расслабляюсь, утыкаюсь в телефон, изредка смотрю на дорогу. Буквально через два перекрёстка прямо перед нами плавно перестраивается знакомый чёрный внедорожник. Мигает фарами и тормозит.

Водитель такси резко бьёт по тормозам, меня бросает вперёд, телефон из рук выпадает.

Из джипа неторопливо выходит Артём. Широкоплечий, крепкий парень подходит к такси, показывает водителю в окно какое-то удостоверение.

Таксист испуганно поднимает руки.

Мой охранник распахивает пассажирскую дверь:

– Ева Валерьевна… пересядьте, пожалуйста.

От стыда и унижения темнеет в глазах. Артём достаёт из кармана пятитысячную купюру и бросает в окно водителю на колени:

– Руки можно опустить.

Выхожу на асфальт под моросящий октябрьский дождь.

Порадовалась, дурра? Получила глоток свободы?

Ева, такой противник, как Вернер, тебе не по зубам. Слишком разные весовые категории.

Колени мелко дрожат, охранник улыбается.

Тянет со всей силы заехать в его довольную морду сумкой. Хочется заорать на всю улицу. Но я лишь молча пересаживаюсь в чёрный джип.

Артём выключает аварийку и трогается с места. И лишь когда мы заезжаем в ворота, вспоминаю, что оставила телефон в такси.

Но язык словно примёрз к нёбу. Не хочу ни о чём просить не Вернера, ни Зуева.

Но с другой стороны, в телефоне банковские приложения, карты, я запросто могу остаться без денег…

Артём останавливается у крыльца, помогает мне выйти. Захожу в дом как побитая собака. Наверняка он уже доложил Вернеру о моём фокусе.

Муж встречает меня в гостиной. Он всё ещё в костюме, наверное, приехал только перед нами.

Ноги широко расставлены, руки скрещены на груди.

Отчитывать меня собрался, что ли?

Первой открываю рот и...

– Я телефон потеряла. В такси оставила. То есть, он там, на полу лежит. Уронила.

Скороговоркой докладываю «я-дура-набитая-спасите-помогите».

Ни один мускул на каменном лице мужа не дёргается. Я смотрю на него с отчаянием и надеждой.

Неужели нужно объяснять, как мне нужен этот телефон?..

– Я знаю, – спокойно так сообщает. – Через пару часов тебе вернут телефон. Приведи себя в порядок и переоденься. Ужин подадут в семь.

Разворачивается и уходит, а я стою и ловлю ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Он что, следилку поставил в мой телефон?..

Даже отец себе не позволял такого!

Параноик несчастный! Ему лечиться надо, а не жениться!

Теперь понятно, почему первая жена сбежала.

Интересно, она вообще жива?

Может, Вернер – это реинкарнация Синей Бороды.

Вот и проверишь на себе, Ева…

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.